

ЖАРКОЕ ЛЕТО 59-ГО ГОДА

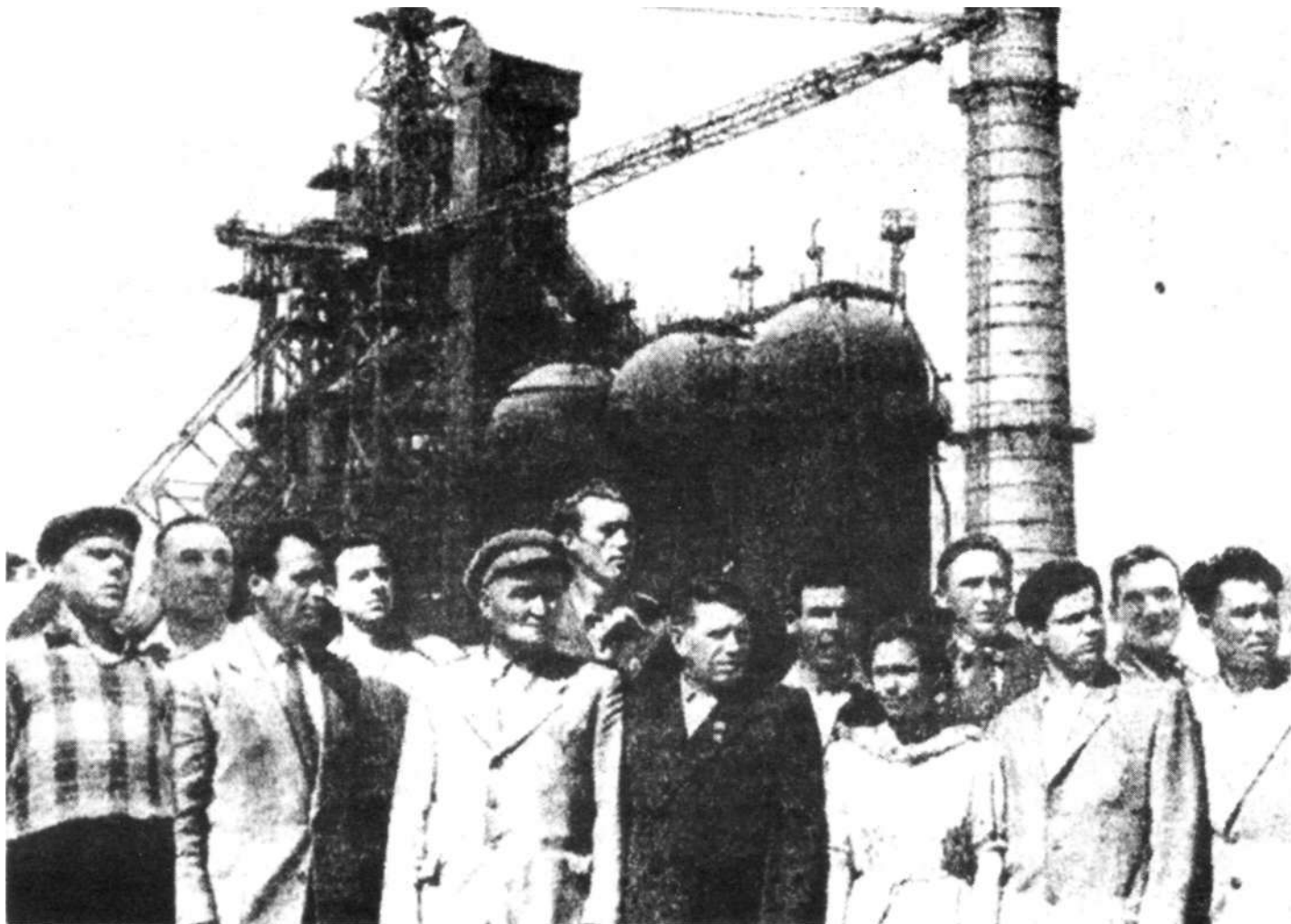
Тетрадь воспоминаний

"Бунтом комсомольцев" окрестили эти нерадостные события в 1959 году во время строительства города Темиртау. Люди сотнями прибывали сюда по комсомольским путевкам. 25 тысяч человек трудились не в самых легких условиях. Систематические перебои со снабжением питьевой водой и продовольствием, отсутствие нормального жилья, плохие условия труда... Терпение оказалось не безграничным. Как это было - в воспоминаниях пенсионера из Темиртау и нашего постоянного автора Анатолия Даншина.

ЧАСТЬ III

Ближе к полудню я решил пройти в район вчерашних столкновений. Там в одном из барачков по Фурманова жил мой земляк и друг. Многих людей из этого и других барачков мы знали, вместе работали, отдыхали. Пообщавшись с ними, я пошел на тот же перекресток, к тому же дому. В нем тогда был на первом этаже небольшой продуктовый магазинчик, который не открывался в этот день. Сейчас там кафе "Асега".

Обстановка была уже другая. Цепь солдат с офицерами придвинулась

своему счастливого, а теперь валяющегося на асфальте, с кровоточащей раной на лице, ошеломил.

Вся эта безысходность, безумность и бессмысленность свершившегося вызвала протест. Хотелось спросить с кого-то за это кощунство. Жизнь — самое цен-

нию не вышла, и движения в сторону карьеров нет. Пришлось возвращаться ни с чем домой. После полудня ко мне приехал на мотоцикле мой коллега по работе и попросил, чтобы его мотоцикл постоял у моего дома под присмотром жены или соседей, а мы пойдем туда, где

бьята предлагали бесплатно брать отрезки тканей, и многие брали, и это прозвучало и на суде.

В толпе говорили, что стройка стоит, никто не работает, не пустили в цеха и заводчан. Выставили военную охрану на проходных и на всех объектах завода и

вплотную к перекрестку, а так как улица Фурманова шириной 16-20 метров, это расстояние и отделяло толпу от строя солдат. В толпе активность проявляли женщины. Они призывали к каким-то действиям, оскорбляли солдат (все солдаты были нерусские, черноволосые, скорее всего узбеки или туркмены). Толпа постепенно продвигалась к центру перекрестка. Офицер призывал остановиться, предупредил, что будут стрелять, но в ответ полетели камни и палки. Позади передового отряда толпы стояло много людей. И между домов, и за домами...

В какой-то момент толпа своего доби-лась — началась стрельба. Я стоял под защитой угла дома и увидел, как на противоположной стороне улицы Фурманова группа неспешно отходила вверх. Позади нее шел знакомый мне парень. Он был в рабочем комбинезоне, вымазанном цементным раствором. Вдруг он упал на тротуар, обхватив руками правое бедро. В этот момент все стали искать укрытие за бараками, заборами, бежали кто куда.

Недалеко от меня на землю упал молодой парнишка невысокого роста, одетый в морскую форму и с фуражкой-мичманкой с крабом на околыше — наверное, одессит. Стрельба вскоре прекратилась. Морячок оказался мертв: пуля вошла ему сзади за левое ухо и вышла в центре правой щеки, оставив обширную рваную рану.

Парня поднесли к крыльцу дома. Меня потрясла эта смерть. Я кинулся в подъезд, стал стучать во все двери и спрашивать, у кого есть фотоаппарат, чтобы заснять труп убитого одессита. Но никто не открыл двери. Я громко возмущался, кричал и эмоционально был готов броситься с голыми руками на кого угодно, не испытывая страха за свою жизнь. Вид человека, убитого на твоих глазах, еще минуту назад здорового, красивого и по-

ное, что имеет человек, все грубо отняли и втоптали в грязь. Кровь вскипала в жилах, разум отказывался поверить в это и принять, ярость лишала чувства самосохранения...

Ко мне подошел мужчина среднего возраста, казах. Успокоительно, мягко стал убеждать меня остановиться, не лезть на рожон и сберечь свою и чужие жизни. Он так подействовал отрезвляюще на меня, что я послушался его, хотя вокруг народ бесновался, и если бы прозвучал призыв атаковать, масса бросилась бы в атаку. Невероятной силы возбуждение, пересиливающее чувство самосохранения, завладело многими. Вот когда мне стала понятной поговорка "На виду и смерть красна"...

Утром 3 августа, в понедельник, мы с женой решили поехать под поселок Токаревка, где находились песчаные карьеры, там для работников завода были выделены земельные участки под посадку картошки. Поскольку мы собирались уезжать на месяц в отпуск на Кубань, ее надо было прополоть. В обычные дни все было предельно просто: идешь на дорогу промышленной базы, там находится бетонный завод, куда круглосуточно возят песок, щебень и балласт. Любой водитель попутно подвезет желающих. Кстати, в то время городского пассажирского транспорта не было, за исключением двух маршрутов, и все поездки осуществлялись на попутных грузовых машинах, в кузовах которых разрешалась перевозка пассажиров, а проезд в кабинах самосвалов был обычным делом.

Еще по дороге к бетонному заводу мы ощутили, что все не так, как обычно. Тишина, безлюдно, нет машин на дороге, ворота всех предприятий на запоре. Только слышна стрельба в городе, временами частая, да виден столб дыма какого-то пожара...

Оказалось, что ни одна машина на ли-

солдаты охраняли магазин. Откуда-то он узнал, что магазин оставлен на разграбление, никем не охраняется, желающие берут и тащат все, что могут.

Мы пошли туда. Обстановка была совершенно другая, чем вчера. Ни одного солдата вокруг не было. Напротив магазина с открытыми настежь дверями толпились сотни людей. Желающие, а таких было немного, заходили внутрь, шарили там и выходили с вещами и продуктами. Верхний этаж торговал тканями, поэтому из всех окон, раскрытых или разбитых, свисали шпалерами разноцветные ткани. Вниз сбрасывались куски и целые рулоны. В толпе слышались разговоры о том, что кто-то фотографирует всех мародеров, чтобы впоследствии разыскать и разыскать ущерб.

Как бы то ни было, но основная масса ограничивалась наблюдениями и заходить не пыталась. Одна пожилая женщина с фартуком — наверное, бабушка — с ребенком до года подошла к крыльцу магазина, посадила ребенка у стены на землю и вошла внутрь. Через несколько минут со второго этажа кто-то выбросил тяжелый фанерный ящик, который упал рядом с ребенком. Ящик развалился, и из него выпали катушки белых ниток. Толпа ахнула, женщины подхватили ребенка и отошли от магазина. Вышла бабушка с полным фартуком консервов. Женщины напали на нее, разбросали консервы, надавали тумачков и отругали. Грабег продолжался — неторопливо, как-то нерешительно...

Вскоре подъехал самосвал, его подали прямо к стене и сверху начали бросать рулоны различной ткани. Некоторые падали мимо кузова, а другие сразу размазывались, держа конец наверху, и ткани шпалерами свисали с третьего этажа до тротуара. Нагрузив кучу рулонов в кузов, машину погнали в город. Впоследствии рассказывали, что в жилых массивах ре-

возвращали всех назад. Я пошел опять в магазин. Народ бродил по улицам, не зная, чем заняться. Возле ФЗУ догорал овощной решетчатый ларек, в котором не было ничего, кроме пустых ящиков и стружки. Возле столовой (сейчас ресторан "Космос") у своего барака стоял мой земляк с небольшой группой мужчин. Я подошел к ним, и мы поделились последними новостями.

Через некоторое время с проспекта Строителей, поворачивая на улицу Фурманова, показалась колонна мужчин. Шли строем, по восемь человек в ряду, а рядов было много, протяженность колонны не менее ста метров. Все хорошо одеты, при галстуках, на рукавах красные повязки. Среди них мы увидели многих руководителей цехов, управлений, участков, партийных и профсоюзных деятелей. В их рядах было много известных и авторитетных граждан города. Колонна прошла мимо нас, пересекла улицу Калинина и вошла в расположение палаточного городка. Вокруг колонны сновали фотографии и люди с рупорами и микрофонами в руках. Кинокамер мы не заметили.

Через десяток минут участники этого похода стали разбегаться, срывая повязки и стремясь смешаться с толпой. Позже мы узнали, что власти организовали поход общестественности для "усмирения хулиганов", направив их на палаточный городок. А там, зная, что все события необоснованно валят на жильцов палаток, демонстративно решили сидеть смиренно, в полном составе возле своих палаток.

Как произошел контакт "усмирителей" и "виновников", мы не видели. Говорили, что пришедшие стали хватать ребят, пытались увести с собой для выяснения, и те вскипели. Началась свалка, сопротивление, перешедшее в драку, и интеллигенция позорно разбежалась...

(Продолжение следует)